

Снова о Саше, или "Не верьте концу..."

САША Башлачев пел удивительно русские песни, а маленькие колокольчики на кожаном ремешке, надетые на шею, звенели в такт его вольным языческим песням.

*Долго шли зноем и морозами,
Все снесли и остались вольными,
Жрали снег с кашею березовой
И росли вровень с колокольнями.
Если плач — не жалели соли мы,
Если пир — сахарного пряника.*

*Звонари черными мозолями
Рвали нерв медного динамика...*

«Время колокольчиков». Песня, написанная в ритме бега звенящей бубенцами тройки. Что это, русская народная песня с неизменными тройкой и тоской? Помните «Однозвучно звенит колокольчик...»

Гоголь с его звенящим простором и прерывающимся от волнения дыханием? «Чудным звоном заливаается колокольчик, гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все...»

Надрыв и «гибельный восторг» Высоцкого в его «Конях»?

И то, и другое, и третье. Но во «Времени колокольчиков» поражает другое. Это — уникальное ощущение связи времен. Как часто оно окрашивалось в трагические тона и становилось для Башлачева источником боли (не потому ли нервный и чуткий к «переменам» российский рок сделал «Время колокольчиков» своим символом?) В этой песне Башлачева фантастическая перспектива уходит в глубь веков заставляя колокольчики настоящего отзываться вечевому колоколу времени людей-гигантов...

Вновь вспомним Высоцкого. Его закусившие удила кони влекут седока к гибельному краю. А колокольчик «заходится от рыданий» . У Высоцкого — трагедия вконец надорванной души. Во «Времени колокольчиков» Башлачева — болит наша История. И это по-стижение русской судьбы столь глубоко, интуитивно, будто осуществляется в недрах подсознания. Там, в исторической памяти, хранящей массу тайн и открытий, кроется и общий корень слов «колокол» и «голос»: становится зримее найденный Башлачевым образ колокола — «медного динамика». Звонари возвещали о беде, пели хвалу, созывали на бой. Все — в полный голос, все в масштабах былины...

Но с каждым днем времена меняются...

В любой песне Башлачева неизменен подтекст беды. «Второпях врассыпную вороны» несут эту тревогу во «Времени колокольчиков», и светлый образ умытой дождем дороги-«радуги» сменяется горьким предчувствием:

Быть беде, нынче нам до смеха ли?...

Башлачев, кажется, ни на миг не расставался с этим ощущением — неизбежного конца. Наверное, поэтому его песни столь запредельны, болезненны и... ошеломляющи.

*...Смотри, как горлом идет любовь!
Лови ее ртом, стаканы тесны,
Торпедный аккорд — до дна!
Рекламный плакат последней весны
Качает квадрат окна...*

Саша не дожил до этой — последней — весны. Он погиб 17 февраля 1988 года в 27 лет. Людям, его знавшим, он казался доверчивым и хрупким. Это был поэт-мистик с ясными глазами, а его песня «На жизнь поэтов» несла пророчество. Наверное, оттого Саша не любил петь ее на публике: она была слишком «автобиографична»...

*Поэт умывает слова, возводя их в приметы,
Подняв свои полные ведра внимательных глаз
Несчастливая жизнь, она до смерти любит поэта...*

«Любит до смерти»... Это потерявшее ныне смысл выражение вдруг сверкнет новой гранью, когда думаешь о судьбе Башлачева.

Поэт всегда был существом сверхнезащищенным. Его жизнь — или глухой уход в себя, или буря крайних эмоций, или прыжок из окна восьмизэтажки...

Шашины колокольчики постепенно перекочевали с кожаного браслета на шейную тесемку. Говорят, что с некоторых пор он их уже не снимал. Колокольчики стали для Башлачева символом веры в необходимый, как воздух, простор... Символом очень русской веры. «Широкое пространство всегда владело сердцами русских, — читаем мы у Д. Лихачева. — Чем отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски напротив, соединяется с понятием тесноты, лишением человека пространства».

Вот почему так тяжело дыхание песни Башлачева «Некому березу заломати». Так рван, прерывист ее ритм, так беден паузами насыщенный образами текст. Давит свод мрачной землянки, убога и нища жизнь клубящаяся там. Она полна безысходной тоски, от которой хоть топись...

*Вот и посмеемся простуженно,
А об чем смеяться — не важно.
Если по утрам очень скучно,
А по вечерам очень страшно.
Всемером ютимся на стуле,
Всем миром — на нары-полати...*

А отчего так страшна песня Башлачева «Ванюша»? Концентрация боли в ней достигает такой силы, что она ощущается кожей.

*Как ходил Ванюша бережком
вдоль синей речки,
Как водил Ванюша солнышко
на золотой уздечке*

*Душа гуляла, душа летела
Душа гуляла в рубашке белой...*

Чувствуете тревогу, поселившуюся уже в этом широком зачине? Постепенно участится ритм «Ванюши», воздух сгустится до спертости трактира, где и настигнет героя безжалостная судьба. Откуда же эта неоставляющая нас тревога? Может быть, белая просторная рубаха и есть болевая точка песни? Рубаха, в которой гуляла непутевая Ванюхина душа. Тут же, над обрывом, увидим мы эту «преисподнюю» рубаху («преисподнее белье» — Башлачев умел находить иррациональный смысл в, казалось бы, обыденных вещах) — на человеке, принявшем смерть...

Разгадаем ли мы загадку Башлачева? Этого глубинного познания народного языка, обычаев, русского духа? Этой смертельной боли каждой его песни? Может быть, ключ в этих строках:

*Отпусти мне грехи, я не помню молитв.
Но, если хочешь стихами грехи замолю.
Объясни: я люблю оттого, что болит,
Или это болит оттого, что люблю?..*

Или в этих:

*Не верьте концу, но не ждите
иного расклада.
А что там было в пути: эти женщины, метры, рубли...
Неважно, когда семь кругов
беспокойного лада
Позволят идти на конец, не касаясь земли...*

Ленинград, лето 1989. Небольшая выставка в павильоне Летнего сада. Со стен зала на нас смотрят Вертинский, Галич, Высоцкий... «Наши сердца, как перчатки изношены...» — это молодой Вертинский... Уголок выставки, посвященный Саше Башлачеву. Фотографии, тетрадь со стихами. Очень нервный почерк, масса правки. Зажим для гитары, моток струн. Книга «Обрядовые песни»...

Кто-то будет искать — и найдет — причину его ухода. Кто-то в который раз поразится неотвратимости судьбы. А кому-то вдруг захочется подержать в руках эту полную нервных стихов тетрадь...

Г. ФРОЛОВА.
Фото Г. МОЛИТВИНА.

"Ленинская Смена" 14 февраля 1990